

СИБИРСКАЯ ЖИЗНЬ

Воскресенье, 20-го іюня 1904 года.

Въ Усинскій Край.

4. Внизъ по Енисею на плоту.

(Описание, — см. иллюстр. прилож. къ № 99).

Енисей близъ Усть-Уса представляетъ величественный потокъ около 200 саженъ ширины. Слѣва его ограничиваютъ крутые скалистые склоны высокаго хребта, а хребтъ правой стороны нѣсколько отступилъ отъ берега, давъ мѣсто широкой террасѣ, гдѣ и пріютились хутора поселка. Ниже поселка терраса поросла высокими скалами; на одной изъ нихъ зарублена отмѣтка наибольшей высоты, на которую поднимался Енисей въ весеннее половодье. Отмѣтка находится сажени на 2 1/2 выше осенняго уровня рѣки.

Чтобы во время половодья рѣки попасть на Большой порогъ, о которомъ уже завелся разговоръ, какъ о предстоящемъ событіи дня, нужно пораньше отчалить отъ Усть-Уса. Сначала плотъ идетъ нескоро, но когда минуетъ широкий островъ, разбившій Енисей на два рукава, правая терраса пропадаетъ, подступившія скалы собираютъ рѣку въ болѣе тѣсное русло, и теченіе дѣлается быстрѣй (рис. 7). Обнаженные склоны падаютъ къ рѣкѣ стѣной или зубчатыми расщелившимися ребрами. Узкая береговая полоска, засаженная аллеей изъ сосенъ, часто совсѣмъ прерывается скалами глинистаго сланца и лишь кое-гдѣ протянулись правильными ступенками наносы желтаго песку, отложенные при высококомъ стояніи рѣки. Хвойный лѣсъ изъ листвен-

Все это создаетъ удивительно величавую, мощную и красивую картину, отъ которой нельзя оторваться. Особенно величественъ такъ называемый «Красный камень» дѣяго берега въ 20 верстахъ отъ Усть-Уса (рис. 9). Надъ рѣкой громоздится отвѣсная гигантская стѣна ярко-краснаго цвѣта отъ покрывающихъ сланцы лишайниковъ и отражается красными столбами въ зеленоватомъ зеркалѣ рѣки. Тишина полная, только изрѣдка раздается команда лодмана «неси на право!» «поддержки корму!» и т. д.

Перекатовъ и шиверъ немного, русло очень глубокое, но вѣтаки мы плывемъ съ средней скоростью около 9 верстъ въ часъ. Промелькнули устья знакомыхъ намъ *Большого* и *Малого*

тѣнистой ямой и сейчасъ же исчезъ подъ гребнемъ волны.—«Носовую гребь вынимай!» «Корму влѣво, кормовую вынимай!»—надрывается лодманъ. И гребцы быстро высочили на балаганъ, втащивъ туда и тяжелыя гребя. Плотъ наклонился впередъ, что-то дернуло его, и онъ пошелъ по высокимъ валамъ, то выскакивая наверхъ, то пропадая въ глубокой ямѣ, то накрениваясь на одну сторону. Бревна изгибаются, связи скрипятъ, а вокругъ котель кипишіе! Вотъ громадная волна, покрытъ весь плотъ, ударила въ балаганъ и обкатила сидящихъ.

Скалы, камни и деревья быстро мелькаютъ передъ глазами. Все это происходитъ такъ быстро, что и не заметишь, какъ все кончено, и черезъ какихъ нибудь двѣ минуты рочучій порогъ остается позади, а плотъ несетъ на пологихъ волнахъ къ спокойному улову. У конца порога есть подводная плита, а потому при первой возможности спускаются гребя и отбиваются влѣво отъ плиты. Ужело пушенный плотъ даже не измѣняетъ своего направленія въ порогѣ, хотя бывають случаи, что его «отуриваетъ», т. е. поворачиваетъ кормой впередъ, или плита «срываетъ» нѣсколько крайнихъ бревенъ. Въдѣ плотъ идетъ со скоростью 1 1/2 верстъ въ 2 мин. 10 сек.

Въ общемъ впечатлѣніе получается внушительное, но при хорошемъ лодманѣ порогъ совершенно безопасенъ, но только на плоту. Этотъ прототипъ всякаго судна здѣсь является самымъ совершеннѣйшъ и единственно примѣнимымъ.

Иногда вмѣсто плота пользуются лодками, но тогда обязательно на порогѣ приходится

Рис 7. Енисей въ тѣнинѣ.

Тесная и менѣе замѣтная рѣчка *Таловка*, *Поорьяка* и др. А вотъ и рѣчка *Амроповка*, — пора готовиться къ порогу, до котораго остается всего 4 версты; собственно приготовленія начинаются еще раньше. Все вещи покрываются брезентами и кожами и увязываются веревками; пробуютъ прочность снастей, прикрѣпляющихъ къ плоту балаганъ, вытаскиваютъ лодку, перевернувъ ее кверху дномъ; пробуютъ, свободно ли ходить въ бакѣ гребя, которыя потомъ нужно вынуть изъ воды и т. д. Какъ нарочно передъ порогомъ тянется длинное покойное улово, и есть время наговориться о предстоящемъ событіи. Въонъ справа

впереди уже видно устье Каазрука, а порога и не видно, и не слышно, — онъ скрывается за крутымъ поворотомъ налѣво. Наконецъ, противъ устья Каазрука открывается картина порога и издалека слышится его рочаніе. Рѣка спужена въ узкое русло около 35 саженъ ширины между скалами сланца слѣва и нагроможденіемъ гранитныхъ глыбъ справа (рис. 10). Вспѣнный потокъ принимаетъ крутое паденіе и идетъ высокими волнами. Вотъ эти-то волны и смываютъ и лошадей, и людей. Одногo неосторожнаго путника смыла громадная волна въ самомъ порогѣ, гибель, казалось, была неминуема, но другая, обратная волна выбросила его обратно на плотъ. Въ память этого спасенія поставлена на берегу часовня, которая бѣлѣетъ между гранитными глыбами.

Мы медленно подплываемъ къ порогу при постоянной командѣ лодмана и работѣ гребцовъ; нужно теперь же направить плотъ въ надлежащую струю, а въ порогѣ уже ничего не подлѣаешь! Волны все приближаются, шумъ дѣлается слышнѣе, а голосъ лодмана повышается до дисканта; наконецъ, передній конецъ плота повисъ надъ

разгружать ихъ и проводить порожнякомъ около берега; хотя бывали случаи, что лодки вѣтаки разбивались о камни. Приведеніе Большаго порога въ судоходное состояніе потребовало бы очень серьезныхъ работъ и значительныхъ расходовъ.

Ниже порога, въ 4 верстахъ отъ него, на правой берегу Енисея есть зимовка *Подпорожная*. Такія зимовки, состоящая изъ одной избы, содержатся обыкновенно на счетъ купцовъ, производящихъ торговлю операцие съ Монголіей. Въ каждой зимовкѣ живетъ сторожъ, и нѣрѣдко семейный; здѣсь обогрѣваются и выкармливаютъ лошадей пробѣжающею зимней дорогой по Енисею. Кстаги слѣдуетъ замѣтить, что и зимой Большой порогъ представляетъ нѣрѣдко препятствія для ѣзды; вода иногда прорываетъ ледъ и образуетъ безпорядочное нагроможденіе льда, по которому проходятъ глѣшкомъ, осторожно проводя лошадей съ санями въ поводу.

Подпорожная зимовка находится въ 63 верстахъ отъ Усть-Уса, и это пространство проплывають въ 7 часовъ (средняя скорость—9 верстъ въ часъ); въ длинные лѣтніе дни, конечно, можно плыть дальше, но по осени предпочитаютъ здѣсь

Рис. 8. Енисей выше Краснаго камня.

ницъ, сосенъ и елей покрываетъ только сѣверные склоны скалистыхъ гривъ, оставая обнаженной южную сторону; такимъ образомъ, при взглядѣ на сѣверъ вамъ склоны кажутся голыми, а если посмотреть на югъ—долина лѣсиста.

Прибрежный хребтъ иногда разламывается, образуя узкія ущелья боковыхъ притоковъ, вливающихъ въ Енисей тѣнистыми каскадами среди густой заросли кустарниковъ, пестряющей осенью ярко-красными и золотисто-желтыми пятнами.

Подступающія скалы и прибрежные камни спуживаютъ теченіе, и вода шумливо устремляется волнами «съ плеча», на перекатахъ переходящими въ тѣнистыя буруны, которые еще лучше отгнѣняютъ прозрачную зеленоватую воду. Иногда громадные камни (рис. 8) торчатъ изъ воды по срединѣ рѣки, не представляя однако никакой опасности при правильномъ ходѣ плота; такія же глыбы вы видите и глубоко подъ водой; съ нихъ вода обыкновенно сливается характерными кругами.

Енисей сильно извивается, огибая упершіяся въ него мысы, и порой кажется, что впереди выхода нѣтъ, — такъ круты повороты!

Рис. 9. Красный камень.

ночевать, так как по близости гнёт удобных причалов, а ночью идти очень опасно.

На следующий день можно проплыть до Старого кордона пространства около 125 верст. Ниже Подпорожной Енисей течет в такой же тишине, но в руслах чаще попадаются камни, иногда образующие пороги, из которых однако ни один не достигает гравитозности Большого порога. Остановимся на особенно приметных местах.

— Немного ниже Подпорожной плоть проходит безопасный *Дюдицкий порог*, в котором наскандо много подводных камней, а в 7 верстах от нея минуется высокий камень *Кабачек*, о который нередко разбивались плоты. На верхней площадке Кабачка лежат лсыны, нанесенные сюда в высокую воду. Потом идут: *Шиверинские* камни, *Неволинский* камень, *Голубые* камни, ниже которых глубокое удво *Федосеева яма*, о глубине которой существуют баснословные рассказы. Ниже камня *Кобыля стина*, верстах в 45 от Подпорожной на левом берегу притока зимовка *Силова*, где живет одинокий сторож поляка Адамъ П., выдавший прежде, говорят, лучшие дни. На 10 верст ниже — *Березовский порог*, состоящий из двух сливов между кучами громадных камней. Ниже первого слива перед кучей камней образуется обратная струя и затишье; если же ее попадет плоть, то его будет крутить на одном месте и даже понесет назад, пока гребями не выведут его опять на быструю струю.

Верху из-за ближних склонов гор выдвигаются красивые вершины *Боруса* (рис. 11), одного из последних возвышений Саян, но впереди еще есть препятствия. Ниже левого крупного притока — *Кантеиры*, верстах в 35 от Березовского, нужно пройти самый сложный и довольно серьезный порог *Джойский*, образованный несколькими кучами крупных камней, между которыми образуется несколько извилистых потоков. Едва вы прошли левое плечо, могучая струя двух соединившихся потоков несет вас на *Барку*, —

от которой нужно энергично отбиваться влево; едва миновали этот камень, как плоть стремительно несется на *Бюковские* камни, — новый отбой влево; как только пролетели с шумом это препятствие, нужно быстро переменить работу гребей и отбиваться вправо от послѣднего камня, лежащего у левого берега. Некоторые лодчаны считают Джойский порог опаснее Большого по запутанности „хода“ и уже, конечно, — трудней, потому что гребцы все время в спешной работѣ тяжелыми гребями. На прохождение всего порога нужно около 15 минут. Во всяком случае Джойский порог легче может быть подвергнут разработкѣ для плавания даже пароходов.

Дальнейшее плавание не представляет уже препятствий; горы дѣлаются ниже, кое где появляются займища, как напр. Очурское займище верст на 10 ниже Джойского порога. Между Новым *) и Старым кордонами есть ряд крупных камней, расположенных вдоль рѣки; это — *Шивера-Деревы*; она остается влево от фарватера и никакой опасности не представляет. Через 13 часов плавания вы почувте в удобном двух-этажном домѣ Старого кордона, где теперь живут лсыные обывадчики.

Вблизи этого пункта горная порода изменила свой характер; вмѣсто глинистых слан-

цев, которые сопровождают Енисей почти на всем пройденном пространстве, здѣсь появились мраморы (бѣлый и сѣроватый), которые пока, кажется, только обжигаются на известь.

Еще два часа несорого плавания, еще один небольшой Майский порог, и плоть выходит в стѣну около дер. *Означенной* на лѣв. берегу Енисей (рис. 12). Отсюда рѣка совершенно измениет свой видъ, разбивается на протоки между низменными островами и такими же берегами, на профилях которых уже появились красная девонскія отложения.

Рис. 10. Къ Большому порогу.

Рис. 11. Енисей близъ Боруса.

Рис. 12. Выходъ Енисей изъ горъ у дер. Означенной.

Отъ Означенной до Минусинска остается добрый день плавания, а случается, что при встречном вѣтрѣ плоть совсемъ не подвигается вперед или боковой вѣтеръ плоть выбросит на берегъ. Впрочемъ здѣсь в любомъ селении можно взять лошадей и добѣхать до Минусинска.

И такъ отъ Усинска до Минусинска на расстоянии около 350 верст в среднюю воду плоть проходит въ 3—4 сутокъ при вѣхъ благоприятныхъ обстоятельствъ; чистого ходу будетъ собственно около 40 часовъ. Весной при высокой водѣ это же пространство проходить въ одинъ сутки, т. е. вдвое скорѣй.

Таковы условия плавания по Енисею, где онъ прорываетъ Саянскій хребетъ. Большая часть плотовъ проходит благополучно, что больше всего зависитъ отъ ловкости и знания опытныхъ лодчановъ, хотя усныи могутъ вамъ рассказать немало случаевъ, когда плоты, при неумѣломъ управленіи, налетали на камни и

разбивались, а товаръ шель ко дну. Даже самыя названія „Неволинскій“, „Бюковскій“ камень и др. даны по именамъ плотовъ, потерѣвшихъ на нихъ аваріи. Иногда спасшіся на камняхъ или на пустынномъ берегу по нѣсколькимъ днямъ оставались безъ хлѣба и съ трудомъ выбиались въ живое мѣсто. Все это покаazuje, что плавание по порожистой части Енисей сопряжено съ рискомъ.

Со временемъ, конечно, инженерное искусство побѣдитъ всѣ трудности, и тамъ, где теперь робко спускаются плоты, смѣло зашумятъ пароходы. Торговое значеніе Енисейскаго пути, по мнѣнію знатоковъ края, было бы громадно, такъ какъ рѣка своимъ судоходнымъ верхомъ далеко влѣдетъ въ Монголію. Полагаютъ, что сюда больше, чѣмъ къ Чуйскому тракту тяготѣтъ бы богатый Улаусутайскій округъ.

Самое серьезное препятствіе, какъ уже было упомянуто выше, представляетъ Большой порогъ, остальные пороги могутъ быть легко приведены въ судоходное состояніе. Можетъ быть, на Большомъ порогѣ найдутъ пока болѣе удобнымъ устроить перегрузку, чтобы, провезя товаръ 3—4 версты берегомъ, выше порога опять грузить на пароходы, которые будутъ поддерживать рейсы отсюда уже прямо въ Монголію. Отъ Большого порога до Усть-Уса, какъ мы видѣли, плаваніе еще безопаснѣе, чѣмъ ниже порога. Согласно сообщеніямъ знатоковъ Енисей, гнѣтъ особенныхъ препятствій и выше до границы у Кемчикъ-Бома, т. е. верст на 60; удобнѣе для плавания Енисей и дальше въ Монголію еще верст на 150 или больше, т. е. вплоть до факторіи Сафьянова.

Выше на Байкешѣ есть опасный Усинскій порогъ, но до него пароходство можетъ не простирается и все-таки связать съ северную Монголію съ Сибирской желѣзной дорогой, прибавивъ около 500 верстъ выше отъ Минусинска дешеваго и удобнаго пути.

Намъ остается пожелать, чтобы на этотъ путь поскорѣе было обращено вниманіе специалистовъ и будемъ надѣяться, что осуществленіе его не заставитъ себя долго ждать.

В. Сапожниковъ.

Обыкновенная исторія.

Марьялка смутно помнила свою родную „Виленьску“ губернію. Ей мерещился иногда, какъ сонъ — слутанный и полузабытый, — густо разросшійся яблонный садъ кругомъ ихъ маленькой хатки. Вѣтви деревьевъ дѣлали въ крошечной околд. отчего во избушкѣ лѣтомъ былъ зеленый полумракъ, а весной, когда отворяли окна, земляной полъ покрывался душистыми пѣжно-розоватыми лепестками цвѣтущихъ яблонь.

И позднѣе, въ Сибири, жуя невкусную, вырощеную „ва мокринахъ“ картошку, Марьялка вспоминала виленьскія сладкія яблоки, которые они — ребятишки — ѣли съ мякишкой хлѣбомъ.

Правда яблоки доставались имъ только съ изльномъ: съ червоточной, надклеванной птицей (хорошія берегли для продажи), но Марьялка казалась, что, какъ между этими яблоками и постылой картошкой, такъ и между „Виленьской“ губерніей и Сибирью не можетъ быть никакого сравненія. Хлѣбъ тамъ Марьялкъ отецъ не ѣдалъ: слишкомъ малъ былъ арендованный имъ участокъ у пана и весь этотъ участокъ былъ подъ садомъ.

Да и урожай тамъ были плохіе: собственно урожаевъ и не было, а были каждый годъ только „виды на урожай“. Уже къ половинѣ лѣта выяснялось, что на поляхъ неудобренныхъ, еле всковырняемыхъ орудіями временъ Ольгерда,

*) Здѣсь проектируется свидѣтельство о томъ, что лусные тары подвергнуты дезинфекціи.

хороших хлѣбовъ ждать нечего и мужики предпочитали батрачить на благоустроенныхъ фольваркахъ и мызахъ.

Между тѣмъ семья у отца Марильки росла, жена часто хворала, садъ давалъ очень мало, и жить становилось все труднѣй и труднѣй. Сколько мужикъ ни работалъ, всегда выходило такъ, что то ковригу хлѣба надо было „пожичать“ (занять) у сосѣда, то чашку соли, а самого его периодически тянули „у волость“ для неприятныхъ объясненій по поводу недоимокъ.

И мужикъ рѣшился на переселене. Стали сразу собираться нѣсколько семей. Такова сила стадности: недоѣдали, голодали года и все сидѣли на насиженныхъ мѣстахъ. Когда же одинъ заливилъ, что питаться мѣсячнымъ хлѣбомъ больше не хочется, батрачить по чужимъ мызамъ не желаетъ—все загадываю о далекой Сибири, о своемъ надѣлѣ, о вольныхъ земляхъ.

Много горя приняли виленскіе мужики, пока добрались до Челябинска и N-ска. Въ грязныхъ вагонахъ ихъ было набито, какъ селѣй въ бочкѣ. Хворали ребятишки и много ихъ было схоронено въ разныхъ пунктахъ длинной дороги. Проѣхавъ въ концѣ, и бабы съ восемъ продавали за безцѣную домашнїя холстины. Въ Челябинскѣ партію пощипали сибирскіе мазурики—украли нѣсколько мѣшковъ съ ружьями... Наконецъ, все мятарства кончилися, кончилось распутное житье въ баракахъ и Марилькинъ отецъ съ партіей получилъ надѣлы. Вышла только маленькая канцелярская ошибка: по межевымъ планамъ участки были хоть куда, а на самомъ дѣлѣ оказались они достаточно гнѣдымъ мѣстомъ. Мокрины, да низины давали скудные урожаи, не рождался даже хорошихъ травъ, не было хорошихъ сѣножатъ: рѣвняки, да осоки—куда повезешь такое сѣно? Только не избалованная маленькія,дохматыя коровенки новоселовъ не брезговали ѣсть это сѣно. Былъ кругомъ, правда, лѣсъ, много лѣсу, но не было дорогъ и мостовъ черезъ рѣчки и болота въ городѣ. И что повезешь на одной лошадей лошаденскѣ, которая не знала вкуса овса? И тѣмъ не менѣе, мужикъ возилъ дрова въ городъ, теряя на каждый возъ 3—4 дня ѣзды. Иногда онъ одожджася конемъ у сосѣда и это, конечно, дѣлалось, какъ услуга за услугу.

Однимъ словомъ виленскіе новоселы и въ Сибири жили не мало. Впрочемъ, бездѣтные скоро бросили участки и ушли въ городъ, который давалъ хорошіе заработки. Но деревенскіе многосемейные хлѣборобы никакъ не могли выпутаться изъ бѣды и „справиться“. Они владели жалкое существованіе и были глубоко презираемы старожилыми—сибиряками. На бѣду новоселовъ и года подолжило: или засуха, и червь, и кобылка; или—дожди не въ мѣру, или ранній снѣгъ.

Прошло не мало лѣтъ, а богаче не стали, за исключеніемъ двухъ-трехъ счастливыхъ. Въ костель, „до исповѣди“, ѣздили по очереди, беря на прокатъ у богѣе состоятельныхъ обутокъ и одежду, дома носилась всевозможная рвань и „лаптики“, а мальчишки до 10 лѣтъ бѣгали „безъ оныхъ“. Къ веснѣ ѣли уже не хлѣбъ, а одну картошку и, когда наступала осенняя распутица и дорога въ городъ дѣлалась не пробѣгающей,—бывали дни, что нельзя было достать муки за деньги. Тогда питались болтушкой, варенымъ зерномъ и т. п.

Оставался еще ресурсъ у многосемейныхъ новоселовъ—отпустить взрослыхъ сыновей и дочерей въ городъ. Но къ этому средству не все прибѣгали охотно. Опытъ показывалъ, что парни и дѣвки, испробовавъ городское житье, уже

не возвращались добровольно въ деревню. Въ лучшемъ случаѣ они отдавали часть заработанныхъ денегъ родителямъ; въ худшемъ—сбивались „съ пути“: тогда и возвращеніе ихъ въ семью было не на радость, а на горе и срамъ.

Въ послѣднюю зиму, когда въ семьѣ Марильки доѣдали остатки хлѣба, поднялся вопросъ о городѣ: дѣвушку рѣшили отдать въ услуженіе. Особенно настаивала на этомъ полусвѣдѣлая отъ трахомы махача, замученная и своими, и сводными ребятишками. Родная мать Марильки умерла еще въ Россіи.

Дѣвушкѣ не хотѣлось въ городѣ: онъ пугалъ ее, она видѣла его только мелькомъ во время рѣдкихъ побѣдокъ „до исповѣди“. Прежде ей было совѣстно своихъ „лаптакъ“, своей короткой заплатанной юбочки и она мечтала о башмакахъ,

водапада, который съ грохотомъ и гнѣной катился черезъ мельницу и заставлялъ дрожать узенькій мостикъ, по которому было такъ жутко переѣзжать. За мельничнымъ омутомъ любимое купанье деревенскихъ ребятишекъ.

А сколько радости, когда поспѣютъ ягоды, грибы, орѣхи. Жаркій полдень царить надъ селомъ. Отъ пыльной дороги пышетъ цекломъ. Но вотъ зеленая чаща лѣса. Мягкіе солнечные просвѣты дрожащими пятнами ложатся между деревьевъ на бархатный коверъ жма и сочной травы. Не жарко. Въ воздухѣ царующая ласка лѣта. Жуужать и стрекочутъ насѣкомыя, шепечутъ и перепархиваютъ испуганная ребячьими голосомъ птицы и до поздней зари акупаются въ лѣсу ребятишки. Въ воскресенье эта же шумливая, бѣлоголовая, босоногая ватага бѣжитъ впередъ врослыхъ на дальній запашки смотрѣть хлѣбъ. Тихо плывутъ по голубому небу розоватая и бѣлая тучи. Зеленѣютъ темные овсы, вѣтеть снѣжно-бѣлая гречиха, желтѣетъ золотистая рожь съ синими васильками и все это въ перемежку съ купами перелетковъ и изумрудной зеленью амбуновъ и низинъ.

Все эти счастливые дни остались позади.

Марилька—въ городѣ. Одѣтая въ чужіе башмаки, въ чужую шаль и пальто, она пришла „наймываться“ по рекомендаціи земляка—извозчика.

Въ свѣтлой господской кухнѣ стоитъ она, растерянная и красная, и застѣнливо улыбается, не зная куда дѣвать ненужно—болтающіяся руки.

— Что же ты умѣешь дѣлать?—спрашиваетъ ее старая, сѣдая барыня.

— Хлѣбъ умѣю спечь, корову подонти, а больше ничего не умѣю... Покажете—буду учиться...

— Ужъ вы ее, барыня, учите,—вступается въ разговоръ бойкая жена извозчика,—она ничего не знаетъ: дома бѣдность непокрытая, голодомъ силитъ... А ты, Марилька, слушайся пани: чтобъ мнѣ за тебя не стыдно было, наша рекомендація... И куда, барыня, кроме костелу ее не посылаете: такъ и отецъ приказалъ“.

Марилька, дѣйствительно, ничего не умѣла: ни сварить, ни сжарить, ни на столъ накрыть, ни комнату прибрать. Дома полъ скребли только къ Пасхѣ, а стирали очень рѣдко, такъ какъ не въ всѣхъ членахъ семьи были даже „сѣвники“.

Но, хотя Марилька не знала, что дѣлать съ горничной и что такое укусы (а отъ перцу и корницы отплевывалась, ужалась панскому вкусу): хотя она путалась, куда стелить простыни—на столы, или кровати,—черезъ вѣсѣтъ она все же освоилась со своими обязанностями и перестала подавать укусы и переть къ чаю, а сивочникъ—къ обѣду. Гораздо труднѣе было приучить ее къ употребленію личнаго полотенца и носового платка.

— Да какое же хорошее вы дали полотенецъ, барыня!.. И платочекъ какой хорошій!

И Марилька тянулась поцѣловать ручку „у пани“, а затѣмъ, налюбовавшись платочкомъ и полотенецъ, бережно завертывала ихъ въ газетную бумагу и складывала на полку. И снова дѣлалась попытка прибѣгать къ услугамъ засаленнаго фартука, который исполнялъ должность и личнаго полотенца, и носового платка, и не прочь была замѣнить, къ великому ужасу барыни, и посудное полотенецъ.

Въ обществѣ прислуга и барыня были довольно другъ другомъ. Барынь правились скромность и неприязнательность Марильки, ея услужливость, дѣвушкѣ жилось не дурно въ домѣ господъ,

Сельско-хозяйственный съездъ въ с. Усть-Мосихѣ, Ребрихинской волости Барнаульскаго уѣзда.

Тальменское сельско-хозяйственное общество.

„о кохтачѣ“, ей хотѣлось придѣть ребятишекъ...

Но, когда пришла нужда разставаться съ родными домомъ и деревней—Марилька затосковала. Она забыла и „лаптики“ и „болтушку“, она понимала только хорошее, что давала ей деревня, или—вѣрнѣе,—деревенское лѣто, это неждое, Сибирское лѣто, въ которое расцвѣтаютъ деревенскіе и всякіе ребятишки, обреченные всю долгую зиму сидѣть дома „по незавѣданнымъ обстоятельствомъ“. Марилька ясно представляла все пережитыя, счастливые моменты лѣта. Изъ деревню полукругомъ огибала рѣчка съ зелеными ковровъ луга. За синей лентой рѣки, на другомъ берегу, уходила темная тайга до далекихъ, смутно очерченныхъ горъ. Лѣвѣе—на высокомъ холмѣ пріютился съ золотымъ кровомъ бѣлая церковь сосѣдей старожилы: правѣе—березнячекъ, сквозь ажурную листву котораго виднѣлись старые и новые кресты погоста, гдѣ нашъ себѣ отдыхъ десятки хлѣборобовъ, пришедшихъ съ далекой „Рассен“ и „въ Литвы“. Тишину и покой этой „Божьей нивы“ нарушалъ только шумъ и рокотъ озорнаго мельничнаго

гдѣ были къ ней внимательны и главное—гдѣ все было такъ ново, такъ непохоже на деревенское.

Марилька была очень религиозна: три дня на недѣлѣ она обязательно постилась и въ костелѣ ходила почти всякой праздникъ. Прямъ-шивалось здѣсь и маленькое тѣсцлавие: такъ непривычно было видѣть на себѣ новое шумящее платье,—вмѣсто затрапезной юбки, красные чулки и башмаки со скрипомъ, вмѣсто лаптей! Была и лента въ блочурой косѣ и вязаный бѣлый платочекъ. По дорогѣ къ костелу Марилька нарочно замедляла шагъ предъ глазами съ зеркальными стеклами и улыбаясь глядѣла на свое изображение. Она ли это? что сказали бы деревенскіе, еслибъ увидѣли ее во всемъ ея великолѣпнѣ? Какъ дивились бы и радовались свои ребятишки? Ей казалось, что нѣтъ ничего наряднѣе ея... И если въ костелѣ она встрѣчала кого нибудь изъ деревенскихъ и ловила ихъ удивленные, а иногда и восхищенные взгляды—счастью ея не было границъ! Послѣ того она съ горячій благодарностью устремляла свои свѣтлые голубые глаза на крестъ съ распятиемъ, тонкій и высокий, чистыми линиями возносящійся въ высь купола.

Было еще большое счастье—отдавать заработанные деньги отцу, когда тотъ прѣзжалъ съ дровами въ городъ; онъ набиралъ тогда цѣлую уйма покупокъ: тутъ была и мука, и соль, и керосинъ, и спички. Если Марилька могла прибавить къ этому какіе нибудь барские обноски и сломанные игрушки, чтобъ порадовать своихъ ребятишекъ, то она была довольна двойнѣ.

И вдругъ всей идилліи наступилъ концъ! Было ясное праздничное утро. Торжественный звонъ большого соборнаго колокола гудко разносился въ прозрачный воздухъ и терялся въ далекой синевѣ неба. Звонили и въ костелѣ. Чистый дасковый звонъ точно звалъ Марильку и она, поскрипывая своими новыми башмаками, прибавила шагъ. Она различала уже на горѣ этотъ старый костелъ, въ окнахъ котораго цветнымъ огнемъ играли отблески горячаго солнца. Сквозь рѣшетчатую оградку желтѣли дорожки сада, а густыя вѣтви тополей дѣлали на улицу.

Вдругъ Марильку окликнули:

— Послушайте, барышня, не спѣшите. Надо сказать два слова...

Она оглянулась и сразу узнала говорившаго: это былъ мясникъ—торговецъ, у котораго она раза два брала мясо для своихъ господъ.

Мясникъ былъ молодой, румяный, кудрявый, съ наглыми черными глазами и необыкновенно вертлявымъ и развязнымъ.

Марилька густо покраснѣла и замедлила шаги. — Послушайте... И тогда еще хотѣлъ сказать вамъ, да покупатели помѣшали... Вы сколько получаете у своихъ господъ? Да, вы не торопитесь... Вотъ тутъ у воротъ и лавочка... Присядемъ!..

Марилька все еще недоумѣвала, слѣдуетъ ли ей остановиться, или спѣшить въ костелъ?

А можетъ это какое дѣло до господъ? И она сѣла на указанную лавочку.

— Сколько же вы получаете у господъ?—спросилъ онъ снова, отмахиваясь шелковымъ платкомъ отъ жары.

— Семь рублей...

— Ну, вотъ видите... А семейство, я знаю, не маленкое... Мы живемъ при лавкѣ только вдвоемъ съ мамашей—старушкой. И мамашѣ давно хочется имѣть прислужку деревенскую... Чтобъ была дѣвушка честная, не избалованная.

Потому мамаша имѣютъ такой расчетъ... Онѣ у насъ строгія, самостоятельныя... Онѣ не гонятся за богатствомъ... А если дѣвушка оправдаетъ себя и хорошо будетъ служить, то мамаша не попрепятствуютъ и тому, чтобъ я женился... Однимъ словомъ,—идите къ намъ, работа легкая и 10 р. жалованья... Очень вы мамашѣ понравились... Здѣшнія дѣвушки ужь очень бойки... Самое лучшее—послѣ обѣдина зайдите къ мамашѣ,—тамъ и столкуетесь...

Марилька окончательно растерялась. Она стремительно сорвалась съ мѣста и заспѣшила къ костелу.

Заторопилась за ней и кучинокъ и, хоти Марилька не оглядывалась, онъ успѣлъ еще сказать ей:

— И кромѣ того—обязательный подарокъ, не менѣе 25 рублей.

Послѣ этого онъ круто повернулъ назадъ, а дѣвушка почти бѣгомъ добѣжала до костела.

На этотъ разъ она не молилась. Мысли, точно вихри, пронесли въ ей головѣ... Двадцать пять рублей?! Да, вѣдь это отецъ можетъ купить втораго коня... Десять рублей?! Какъ на нихъ дома поправится!.. И сама она однеится, обуется... Заведетъ жакетку и калоши... И мало ли что... А если еще купецъ женится!.. Сама пани буду... Ужъ я заслужу передъ старухой... И я еще боюсь горюла... Люди пугали... А какіе-жъ добрые въ городѣ!.. Мои господа добрые, а эти еще добрые... Не хорошо будто мою барыню оставить безъ прислужки... Ну, да и своего счастья упускать не слѣдуетъ...

Марилька вернулась изъ костела позднѣе обыкновеннаго и поразила барыню своимъ растеряннымъ видомъ. Она было двигалась, не смѣялась, на шутки журмилась и сдѣлавши какое нибудь дѣло, сидѣла подолгу въ забывчивости на своей постели. Такой же была она и на другой день. И опять начала подавать судокъ къ чаю, а словчинокъ къ обѣду.

— Больна ты, что ли, Марилька?—спрашивали ее.

— Нѣтъ, здорова.

— Но тебя точно подмѣнили! Что у тебя случилось? Развѣ въ деревнѣ что?

Марилька точно ухватилась за эту мысль.

— Вѣрно, барыня, мать больна... Домой вѣдла ѣхати. Вы ужъ расчитайте меня...

И она горько расплакалась.

Черезъ день Марильку—нарядную и веселую случайно увидели въ мясной лавочкѣ дѣти барыни. Барыня недоумѣвала. Прошло еще два дня и уже сама барыня увидела дѣвушку съ опухшими отъ слезъ глазами на базарѣ. Марилька ходила по базару и искала своихъ деревенскихъ, чтобъ уѣхать съ ними домой. Теперь она знала, что не напрасно боляса города и что въ городѣ есть очень дурные, безсовѣстные люди.

Л. С.

Къ рисункамъ.

Сельско-хозяйственный сѣздъ въ с. Усть-Мошихѣ, Барнаульскаго уѣзда.

19 апрѣля въ с. Усть-Мошихѣ состоялся первый въ губернии сельско-хозяйственный крестьянскій сѣздъ, созванный крестьянскимъ начальникомъ 1-го участка В. И. Войновичемъ по распоряженію г. губернатора, въ цѣляхъ выясненія сѣмьянныхъ нуждъ населенія. На сѣздѣ участвовали представители сѣдующихъ волостей Барнаульскаго уѣзда: Барнаулъ-

ской, Шадринской, Шаховской, Павловской, Юдишанской, Ребрихской и Верхъ Кулундской, много крестьянъ и жителей с. Усть-Мошихи и приглашенныхъ къ нему селеній и правительственный инструкторъ полковода В. В. Солдатовъ. На сѣздѣ выяснилось, что болѣе $\frac{1}{2}$ урожая прошлаго года осталось въ поляхъ неубраннымъ, что зерно этого урожая имѣетъ всхожесть 10—30% крайне ничтожную, что убираемый весной хлѣбъ не имѣетъ никакой цѣности и совершенно невсхожъ. Инструкторъ полковода были сообщены собраньямъ мѣры къ улучшенію качества посѣвныхъ сѣмянъ и вообще мѣры улучшения сельскаго хозяйства края. Сѣздъ прошелъ живо; собраніе окончилось къ нему съ большимъ интересомъ и прошения сдѣлать такіе сѣзды повсемѣстными и периодическими. Для даннаго района предположено устраивать сѣзды ежегодно два раза въ годъ: 1-й юня въ с. Усть-Мошихѣ Ребрихской волости и 1-й декабря въ с. Барнаульскомъ. Прилагаемый рисунокъ изображаетъ группу участниковъ сѣзда.

В. Солдатовъ.

Тальменское сельско-хозяйственное Общество.

Тальменское сельско-хозяйственное Общество открыто въ мѣѣ 1903 года въ с. Тальменскомъ, Тальменской волости, Барнаульскаго уѣзда; оно имѣетъ райономъ своей дѣятельности одну только Тальменскую волость: въ настоящее время оно насчитываетъ около 100 членовъ, изъ которыхъ огромное большинство—крестьяне. Предсѣдателемъ общества состоитъ мѣстный врачъ А. А. Лопатинъ, товарищемъ предсѣдателя торговецъ С. М. Старцевъ, секретаремъ учитель Н. А. Тихоновъ; члены совѣта главнымъ образомъ—крестьяне. Общество задало себѣ чисто практическую цѣль: дать возможность мѣстному крестьянину усовершенствоваться и сдѣлать болѣе прибыльнымъ его хозяйство. Въ этихъ цѣляхъ общество устроило демонстрацію сельско-хозяйственныхъ машинъ, чтенія по сельскому хозяйству, сельско-хозяйственную библиотеку, устраиваетъ метеорологическую станцію, слуховой пунктъ, артельный маслодѣльный заводъ; по инициативѣ общества при немъ недавно учреждено Тальменское кредитное товарищество, съ цѣлью дать членамъ его дешевый и доступный мелкій сельско-хозяйственный кредитъ. Открытіе товарищества (втораго въ губерніи и 4-го въ Сибиріи) состоялось 17 мая въ присутствіи инспектора кредитныхъ товариществъ В. Я. Медвѣева, инструкторовъ полковода В. В. Солдатовъ и молочнаго хозяйства А. Л. Бахарева. Предсѣдателемъ кредитнаго товарищества избранъ А. А. Лопатинъ.

Рисунокъ изображаетъ группу членовъ Тальменскаго сельско-хозяйственнаго общества; на скамьяхъ сидитъ составъ совѣта съ предсѣдателемъ А. А. Лопатинымъ во главѣ.

Въ „Сибирской Жизни“ неоднократно отмѣчалась дѣятельность вновь учрежденныхъ мелкихъ сельско-хозяйственныхъ обществъ и указывались задачи, поставляемыя ими. Здѣсь еще разъ напомнимъ, что при настоящихъ условіяхъ только путемъ организаціи сѣти такихъ мелкихъ обществъ и возбужденія этимъ путемъ въ дѣлѣ улучшенія сельскаго хозяйства инициативы самаго населенія, возможна болѣе или менѣе агрикультурная серьезная работа. Пока имѣетъ земскія учрежденія въ Сибиріи въ этомъ сѣмствѣ ихъ роль отчасти выполняють сельско-хозяйственныя общества, хотя и далеко не вполне; тогда же, когда Сибирь будетъ оставлена введеніемъ мѣстнаго самоуправления, это послѣднее въ сельско-хозяйственныхъ обществахъ найдеть себѣ хорошихъ сотрудниковъ, а въ рядахъ членовъ общества—подготовленныхъ общественными дѣятелей.

В. Солдатовъ.

Редакторъ-Издатель П. Макушинъ.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОЛУГОДОВАЯ ПОДПИСКА

***

„СИБИРСКУЮ ЖИЗНЬ“.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

для иногороднихъ за $\frac{1}{2}$ года 3 руб., помѣсячно 50 коп., для городскихъ (съ доставкою въ отдѣльныхъ телеграфныхъ билетахъ) помѣсячно 50 коп.—Въ газетѣ помѣщаются и будутъ помѣщаться иллюстраціи, относящіяся къ войнѣ съ Японіей: портреты, виды, планы, карты и т. п.

Городскимъ подписчикамъ ежедневно будутъ доставляться телеграммы „Россійскаго Телеграфнаго Агентства“.

Адресъ для иногороднихъ: Томскъ. Редакція „Сибирской Жизни“.

Издатель-Редакторъ П. Макушинъ.